

Секция

«Практики и социологи: танго вдвоем. Социология как ресурс социальных преобразований: возможности и проблемы»

Модератор Евдокимова Ольга: Уважаемые коллеги, доброе утро всем. Давайте начинать. И спасибо большое, что вы пришли на секцию «Практики и социологи, социология как ресурс социальных преобразований, возможности и проблемы». Особенность нашей секции заключается в том, что она организована в основном не социологами, по крайней мере, в нынешней своей ипостаси. Мы все: и организатор, и спикеры в основном представители некоммерческого сектора и вот как очень красиво организаторы конференции тут обозначили, надеюсь, этот термин можно применять ко всем нам – социальные инженеры. Поэтому, в принципе, тему, которую мы сегодня собираемся обсуждать, те вопросы, которые представляют интерес именно для не социологов, работающих в некоммерческом секторе по поводу взаимодействия с социологическим сообществом,. В этом смысле мы, конечно, рассчитываем на активную, острую дискуссию. У нас сегодня в целом предполагалось и, надеюсь, предполагается четыре ключевых спикера. Прежде всего, выступит Гарифуллина Эльвира руководитель программы «Семья и дети». Эльвира расскажет о большом опыте фонда Тимченко по поводу заказов, проведения социологических исследований. Далее выступит наша коллега Ольга Заводилкина представитель и специалист, эксперт благотворительного фонда «Расправь крылья», который самостоятельно проводили социологическое исследование. Ольга так же поделится выводами, которые они сделали при такой работе. И так же у нас, я надеюсь подойдут две наши коллеги – это Татьяна Подушкина руководитель Центра доказательного социального проектирования Московского государственного психолого-педагогического университета. Татьяна будет представлять собой межотраслевое профессиональное объединение программ в сфере детства, которое в прошлом году активно занималось и я надеюсь, успешно выполнило такую уникальную для России задачу – создание стандарта доказательности социальных практик. Татьяна будет представлять этот стандарт именно в той его части, которая подразумевает активное взаимодействие практиков и научного сообщества, в том числе социологов. И так же будет презентовать результаты аналитического исследования, практик вовлечения благополучателей в деятельность НКО Дроздова Ольга - представитель Агентства социальной информации. И я так же с удовольствием представляю нашего второго модератора Шаповалову Инну. Инна как раз именно тот представитель практикующего социологического сообщества – директор Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета и у Инны роль такая, мы с ней договорились, что она будет комментировать наш взгляд среди некоммерческого сектора именно со стороны социологов. У нас сегодня таким образом регламент будет строиться – по 15 минут на доклад, и я буду следить за этим. Благодаря организаторам у нас такие красивые таблички, которые я буду показывать спикерам. Прошу соблюдать регламент. После каждого выступления будет 2-3 уточняющих, не дискуссионных, а уточняющих вопроса. Я надеюсь, у нас в конце останется время на свободную дискуссию, я надеюсь, что вам будет, чем тоже поделиться и задать какие-то вопросы, и

высказать какое-то свое мнение на темы, которые сегодня обсуждаем. Таким образом я хотела бы передать микрофон Гарифулиной Эльвире.

Гарифулина Эльвира: Здравствуйте, коллеги, еще раз. Спасибо большое, что вы пришли на эту секцию. Обычно, надо сказать, это классика жанра, когда социологи и вообще представители науки сами с собой организуются и обсуждают, а, собственно говоря, те, кто эти знания научные мог бы использовать, но при этом работать непосредственно в данном случае по нашей теме с детьми, с семьями, они сами с собой организуются и все это обсуждают. И именно из-за оторванности вот этих двух больших групп мы, наверное, и пришли к необходимости сегодняшней секции. Вообще секция называется «Танго вдвоем», но мы уже потом поняли, что как-то немножко, видимо, ошибочно мы придумали это название, потому что в танго все-таки один ведущий, а другой ведомый, да, обычно мужчина ведет, а женщина как бы подстраивается. Вот в данном случае наша как раз задача была показать, что в ситуации практики - социологи не может быть танго, там может быть танец равных и польза тогда будет обоюдная. Более того, тогда польза будет не только, это будет уже не а-ля танго вдвоем, это будет танго втроем, потому что тут появляются как раз те, ради кого по большому счету проводятся научные изыскания и те, ради кого работают практики. И так, я представляю фонд Тимченко, руководитель программы «Семья и дети». Очень кратко, в принципе, Семья Тимченко занимается благотворительностью более 25 лет, в 2010-ом году был создан фонд, который аккумулировал в себя все, что семья делает в области благотворительности, практически все, но и, в частности, наша программа «Семья и дети» направлена на то, чтобы каждый ребенок имел возможность жить и воспитываться в семье кровной, если такой возможности нет, замещающей, но если и это пока невозможно, то, соответственно, чтобы наши детские учреждения, в частности, детские дома, социальные реабилитационные центры и так далее, они все-таки были так устроены, чтобы ребенок чувствовал там себя как в условиях, приближенных к семье. Ну, и, собственно говоря, мы очень долго поддерживали, как нам казалось, организации, которые были у всех на слуху, которые хорошо работали, помогали, но при этом, когда я попыталась понять... Хорошо, да, красиво описываете отчеты, а где доказательства, что конкретно столько-то детей устроили в семью, им там хорошо, благополучно, на что чаще всего был ответ: «Нет, наша задача как бы обучить, а дальше уже это практики виноваты». И мы поняли, что, собственно, нам важно как раз поддерживать тех, кто непосредственно работает с детьми, с семьями, чтобы видеть и попытаться почувствовать тот результат, который по идее должен быть. И в этом отношении мы вошли в область не вообще тех, кто что-то делает и красиво отчитывается, а в область того, что мы называем практики с доказанной эффективностью. Для России это достаточно новая тема, за рубежом, в Европе и Великобритании это такой мейнстрим, потому что, в принципе, без доказательной базы невозможно получить ни одно финансирование. Но как вы понимаете, доказательная база, она не может оторвана быть от исследователя, то есть от тех, кто, собственно говоря, помогает собирать эту доказательную базу. Еще одна область, которая мы поняли, что, в общем-то, социологи, представители науки нужны и важны – это все, что касается организации взаимодействия с заинтересованными сторонами или стейкхолдерами. И здесь тоже будет как раз отдельный доклад, где, по сути, вы более подробно услышите и про практики с доказанной эффективностью, и про взаимодействие со стейкхолдерами, в частности, благополучателями. И еще та область, где мы поняли недостаточно развита,

но при этом есть возможность соединить усилия и практиков, и социологов – это вообще вовлечение детей и молодых взрослых с опытом проживания в детских учреждениях, в приемных семьях для исследования. Поэтому, собственно говоря, мы попытаемся сегодня обозначить те преимущества и возможности, которые эти зоны приложения усилий могут давать. те барьеры, которые на сегодняшний день есть. Но в частности в рамках конкурса «Семейный фарватер», который мы запустили в 2016-ом году, мы как раз поддерживаем в регионах те организации, которые, с одной стороны, реализуют практику свою, направленную на то, чтобы стало ребенку или семье лучше и он был сохранен в семье, а, с другой стороны, они передают свой опыт. И третье, что было в свое время инновационным моментом, они развивают систему мониторинга и оценки вообще системы доказательств и демонстрируют это. В частности, вот если очень так грубо говорить, то практика с доказанной эффективностью возможна только там, где есть соединение, с одной стороны, это экспертное мнение специалистов, кто работает в ситуации и в том числе результаты мониторинга, результаты оценки, которые проводят сами же практики. С другой стороны, обязательно должна быть обратная связь самих детей, своих семей, то есть благополучателей и таким образом учитываются непосредственно мнения, интересы, потребности тех, ради кого мы работаем. И с третьей точки зрения, это обязательно должно подкрепляться научными исследованиями. И по большому счету, на стыке именно вот этих трех данных, этих триангуляций можно только говорить о практике с доказанной эффективностью. Как вы понимаете, там, где у нас подключается наука, невозможно ничего сделать для социологов. При этом, что происходит в настоящее время. В настоящее время мы понимаем, что когда на специалистов органов опеки, попечительства около тысячи детей или на специалиста детского дома порядка 30-40 детей, то понятно, в общем-то, когда им говорят: «Давайте собирать доказательства». Они отвечают: «Какие доказательства, какая наука, какие исследования, да, дай бог, вот это, вот это успеть с детьми». И мы это тоже понимаем, поэтому мы прекрасно осознаем, что то, что они говорят, что у них нет времени, что они занимаются реальными делами – это не отговорка, это действительно так и поэтому для них не всегда, кстати, очевидна вообще необходимость проведения исследования, потому что часто так бывает, типа, я 20 лет работаю, я сам знаю, как правильно или как лучше. И здесь они не очень видят ресурс в исследователях. С другой стороны, социологи, представители науки настолько погружены в академическую деятельность, что зачастую исследования проводятся ради исследования, как это мы в шутку называем и по большому счету публикации ради публикаций, которые потом дальше в жизнь никак не преломляется, это, к сожалению, тоже такой большой минус науки, мне кажется, потому что по большому счету вкладываются деньги не только грантовые, но и государство в науку и наука не может существовать только из таких фундаментальных вещей, все равно рано или поздно должно это преломляться, собственно говоря, в практическую жизнь. Поэтому мы очень надеемся, что пути сотрудничества практиков и экспертов дают действительно преимущество всем. В частности, как могут практики специалисты, которые работают непосредственно с детьми, с семьями, использовать результаты научных исследований. Понятно, что для них это уже обработанные выводы, им не надо тратить ни свое время, ни получать дополнительные знания на то, чтобы проводить эти исследования. С другой стороны, в принципе, можно опираться на данные, на результаты этих научных исследований, потому что это помогает и корректировать свою деятельность, возможно,

вводить какие-то новые услуги, на уровне государства - это разрабатывать те программы, которые действительно будут помогать, а не потому что, в принципе, мы привыкли, что должны быть программы регионального, например, масштаба или государственного масштаба. Ну, и, собственно говоря, это возможность, в том числе, когда мы показываем доказательную базу, то есть реальные результаты для детей и семей - это возможность получить финансирование, те же субсидии от государства, либо различные пожертвования от фондов или от бизнеса. И зачастую это еще является таким ключевым моментом профилактики профессионального выгорания, потому что очень часто ты как белка в колесе как практик работаешь, работаешь, работаешь и не всегда видно вот этот эффект и как раз исследователи помогают, собственно говоря, увидеть, что вы знаете, что ребенок сейчас, который никогда в жизни не ходил, он пытается сейчас двигать рукой, пытается сформулировать какие-то слова, ребенок с множественными нарушениями - это происходит благодаря вам. Специалисту, который рядом с ребенком постоянно, это не так заметно в глаза бросается. Но если вот эту всю цепочку, такие мелкие вещи продемонстрировать, это очень помогает более вдумчиво относиться практикам к своей работе и помогает при практике выгорания. Что касается исследователя, понятно, это просто огромная база для исследований, да, это реальный доступ туда, куда очень трудно зайти, благодаря практикам исследователи получают этот доступ, и это еще более качественные результаты, потому что ни для кого не секрет, социологи все-таки достаточно часто в нашей стране все-таки преимущественно оперируют количественными инструментами - это массовые опросы, анкетирования и так далее, но мы понимаем, что для того, чтобы действительно погрузиться в проблемы или даже сделать анализ каких-то своих выводов, проверить, очень нужны и важно развитие качественных методов, качественного инструментария и вот здесь как раз практики - тот кладезь информации и вообще доступа к возможному использованию качественного инструментария. И дети - это такие же благополучатели, это такие же важные эксперты, с которыми тоже важно работать и включать их в исследования. Вот как это делать этично, правильно с точки зрения морали, с точки зрения организации процесса, как это делать понятным и доступным способом для самого ребенка, причем разного ребенка: разного возраста, ребенка, имеющего особенности, потому что у нас есть дети, например, которые не говорят или с сильными интеллектуальными нарушениями, это не значит, что они тоже должны выпадать из процесса. Это, в общем-то, как я думаю, очевидно.

Что касается заинтересованных сторон и взаимодействия с ними. По большому счету любой проект, любая услуга, любая программа, она невозможна без достижения цели. Чтобы понять, достигли ли мы результатов, достигли ли мы целей, как раз важно понять насколько мы тонко сфокусировали свою деятельность, очень важно работать со всеми заинтересованными сторонами. Это, кстати говоря, помогает и выявить, минимизировать риски и в том числе посмотреть на не только запланированный результат, на запланированные эффекты, но и на незапланированные. В частности, например, для нашего фонда мы можем выделить несколько блоков стейкхолдеров. Это - учредители, доноры, которые дают финансирование на то, что мы делаем, это непосредственно организации грантополучатели, в частности это и Вузы, и организации, которые являются государственными бюджетными организациями, это и общественные организации, это те, ради кого работаем, то есть непосредственно дети, семьи и это эксперты, с которыми мы работаем. Конечно, мы вынуждены в силу специфики работать

еще и с профильными структурами власти. Так вот возможность понимать какими инструментами мы можем получать обратную связь, анализировать, давать ее, это как раз тоже возможность активно взаимодействовать с социологами, потому что вот здесь мы опять друг другу может быть полезны, можем помочь друг другу, потому что социологи умеют сонастраивать, в принципе, готовы сонастраивать инструменты. Практики могут помочь объяснить особенности определенные, чтобы сонастроить эти инструменты.

Что касается темы вовлечения детей, участие детей, сразу скажу, в России 29 миллионов детей, это немало. Социологи очень часто вообще эту область как-то игнорируют, но это неправильно. Более того, если мы говорим про детей сирот, например, да, их формально 600 тысяч, из них около 48 тысяч живут в детских учреждениях, остальные - в семьях. Но здесь очень важно, что, по сути, все, что мы для них делаем, все программы государственные и так далее, они их напрочь игнорируют и в данном случае участие детей позволяет как раз включать и получать реально мнение и опыт самих детей с помощью социологических инструментов. Конечно же, здесь есть ряд барьеров, в частности, вообще культура в нашей стране, которая воспринимает ребенка как объект только исследования или объект приложения усилий. С другой стороны, действительно недостаточно разработанных инструментов и, по сути, очень низкий уровень компетенции специалистов. Многие из них не знают и не понимают, как работать с такой целевой группой, как включать их в исследования. И, конечно, как мы уже говорили, мало адаптированных для детей инструментов. Вот как раз, опять-таки, практики и психологи, в частности, могут помочь настроить. И понятно, что для детей анкета, особенно анкета на 12 страниц, это ни о чем, это просто издевательство над ребенком. Есть специально разработанные для них инструменты, которые позволяют получить более адекватную информацию. Мы, например, в частности, активно используем сторителлинг, используем дневники и различную работу с карточками и так далее. С теми, кто постарше, можно модифицированные фокус-группы использовать.

И, заканчивая уже свое выступление, я бы хотела обратить внимание, что несмотря на то, что чаще всего мы, в принципе, доверяем статистике, но понимаем, что за статистикой стоят вещи, которые требуют более глубокого изучения. Анкеты или традиционные методы получения информации, тот же контент-анализ или еще что-то, они не всегда срабатывают. В данном случае внедрение качественных методов исследования или развитие их дает хороший эффект. Более того, мы понимаем, что нет универсальных и вообще нет хороших или плохих социологических инструментов, а есть то, что в данном случае более уместно, более подходит и будет работать на лучший результат. И практики еще дополнительно помогают дать картину с полей, сформировать сонастроенный инструментарий.

И что касается сложностей взаимодействия. Мы в своей деятельности столкнулись с тем, что, заказывая крупному известному социологическому агентству исследования приемных семей, и в том числе приемных детей, а лонгитюдное исследование - очень такое сложное исследование, мы смогли расположить, чтобы люди дали информацию, но когда люди попросили обратную связь, то социологи, которым мы заказывали исследование проигнорировали людей. В данном случае для социологов люди - это просто источник информации, раз пришел и пошел дальше. Вот для практиков люди - это нечто большее, чем объект исследования и, мне кажется, что здесь мы можем с точки

зрения таких культурных и этических особенностей тоже сближаться, и наращивать потенциал друг друга.

И последнее - сразу скажу, что я кандидат социологических наук и я была социологом, поэтому в общем-то понимаю позицию социологов. Я работала и в государственном центре, а также я как практик работала и в общественной организации. Сейчас у меня такая позиция в фонде - и над социологами, и над практиками. По сути эта позиция дает возможность увидеть сильные и слабые стороны друг друга и те ограничения, которые есть, те возможности, которые мы можем предоставить друг другу. Поэтому актуальное сотрудничество практиков и социологов для меня априори, по-другому не может. Потому что это не только реальная научная реализация в прикладных исследованиях для социологов, а для практиков - это получение возможности более осознанно делать и анализировать свою деятельность, что дает ее устойчивость и возможность получения финансирования. Для доноров - это, конечно же, возможность принимать более взвешенные решения, потому что есть база. Но это еще и то, ради чего мы работаем все вместе и часто упускаем из вида - наши благополучатели. Потому что, благодаря нашему взаимодействию мы переходим к более эффективным механизмам поддержки. И, конечно, в принципе, исследования, дают более точные ответы для решения социальных проблем в обществе, поэтому я буду готова ответить на ваши вопросы, если они есть и потом с удовольствием приму участие в дискуссии.

Модератор: Вопрос на уточнение, на понимание есть какие-то? Я тогда сама задам вопрос: Эльвира, скажите, пожалуйста, какими социологическими исследованиями вы пользуетесь, например, на разных уровнях планирования, например, при стратегическом планировании программа или на завершающем этапе или какими-то социологическими исследованиями готовыми или вы специально заказываете, как это все происходит?

Гарифулина Эльвира: При планировании программы мы, конечно же, работаем со статистикой и пытаемся делать, найти различные корреляции между различными причинами, событиями, цифрами, которые появляются. Но, например, в свое время, когда мы запускали конкурс дневников «Наш истории» - конкурс дневников приемных семей, и родителей и детей - мы заказали исследование ВЦИОМ, чтобы понять, а каково общественное настроение в отношении этих семей. Потому что мы поняли, нам семьи говорили, что они сталкиваются со сложностями, с трудностями, например, соседи их воспринимают как-то не так, в школах проблемы и так далее. И мы очень долго обсуждали и заказали такое исследование, которое было просто срез общественного мнения в отношении приемных семей. Это исследование показало, что да, в принципе, стереотипы и мифы в отношении приемных семей существуют. И после этого мы уже сонастроили этот конкурс дневников. Но чаще всего, конечно, мы делали либо точечные исследования непосредственно связанные с конкретной проблематикой, чтобы оценить результативность или эффективность программ. Плюс мы очень часто используем экспертные опросы. Также время от времени у нас есть очень условный контент-анализ, мониторинг ситуации, связанный с нашей проблематикой. И по большому счету, вот то, что сейчас в этом году впервые проходило - это мониторинг реформирования детских учреждений в связи с 481 Постановлением Правительства Российской Федерации. В этом исследовании участвовали не только эксперты, которые обычно выезжают в

конкретные регионы, общаются с руководителями детских домов, с работающими в них специалистами, общались с детьми, но еще и дети включались и давали обратную связь. Потому что важно сонстроить, понять на что взрослые обращают внимание и на что дети обращают внимание. Фокус-группы мы тоже активно используем в своей работе. Также никто не отменял, быстрого опроса через анкетирование, другие способы получения информации, когда надо быстро сделать срез. Но сразу хочу сказать, что лучше всего работает, мы это отдельно обсуждали со стейкхолдерами, что в нашей ситуации лучше всего работает глубинное интервьюирование.

Модератор: Вы сами это делаете, вы приглашаете?

Гарифулина Эльвира: Мы делаем и сами, и, собственно говоря, приглашаем и организации, и отдельных экспертов, специалистов.

Шаповалова Инна: Разрешите прокомментировать то, что Эльвира сказала по поводу работы социологов с детьми, тем более, с детьми из специфических групп. На мой взгляд, здесь более адекватно привлекать, наверное, специалистов психологов или даже медицинских психологов. Потому что, работа социолога с детьми, например, имеющими какие-то специфические особенности, она может не только не привести к какому-то результату, но, наоборот, мне кажется, и навредить. Поэтому, на мой взгляд, встает вопрос создания какого-то рода даже междисциплинарных команд в ситуации именно сопровождения целевых групп некоммерческих организаций.

Гарифулина Эльвира: Не только некоммерческих, потому что я вас уверяю, в государстве не меньше таких детей.

Шаповалова Инна: Да, да,, я имею в виду в такого рода проектах, такого рода программах, потому что одному социологу здесь не справиться.

Гарифулина Эльвира: Вы знаете, я частично согласна с вами. С другой стороны, мы видим прекрасно, что у нас есть именитые Вузы, которые проводят подобного плана исследования и это как раз та тема, которая тоже греет нам душу, потому что мы тоже считаем, что помимо профессиональных навыков, нужны еще этические принципы. И вот если у психологов есть такой свой этический кодекс работы с тем, с кем они работают, с целевой группой, то у социологов, вроде, тоже есть, но так как социологи, в принципе, до 20 века вообще не выделяли детей как отдельную целевую группу, для которой необходимо разрабатывать специфический инструментарий, то это не всегда работает. Поэтому я поговорив с родителями, поговорив со специалистами, на основе это делаю выводы. Но мы понимаем, что это тоже неправильно. И здесь, конечно же, вместе с междисциплинарной командой, которая, я согласна абсолютно, важна и нужна, нужно, чтобы социологи в определенных случаях наращивали свой потенциал. Потому что с теми же подростками уже можно уметь говорить социологам. И вот здесь есть вещи, которые может делать только междисциплинарная команда и те ситуации, где социологи вполне себе могут повышать свои компетенции для того, чтобы выходить в поле и работать с детьми.

Модератор: Коллеги, очень интересная тема, спасибо большое, Эльвира. Хочу сказать, что фонд Тимченко являет собой пример лидера в некоммерческой сфере, который не только, не просто декларирует подход к доказательной эффективности, к эффективной доказательности, но и предлагает своим партнерам различные программы, различные мотиваторы, помогающие двигаться в эту сторону. И вот с одной

такой замечательной инициативой, я уже говорила в начале самом, при лидерстве фонда Тимченко, при его финансовой и экспертной поддержке был разработан в прошлом году стандарт доказательных социальных практик, а разработке которого участвовали представители разных секторов. Я хотела бы передать слово Татьяне Подушкиной представителю центра доказательного социального проектирования Московского государственного психолого-педагогического университета.

Подушкина Татьяна: Добрый день. Большое спасибо. Тема, правда, очень живая и актуальная. Мы являемся уже довольно давно партнерами фонда Тимченко, я представляю Московский государственный психолого-педагогический университет. И буквально там с 2012-ого года, еще в рамках сотрудничества некоммерческих организаций, мы разрабатываем тему доказательной эффективности социальных практик, оценки результатов социальных практик. И сегодня у меня задача - коротко представить сам продукт, в разработке которого наш университет в прошлом году принял достаточно активное участие, поделиться тем опытом, теми выводами, которые мы для себя извлекли из этой разработки и некоторым перспективам, которые мы видим дальше. Я хотела бы обозначить, обострить позицию возможного сотрудничества между практиками и академическим сообществом. Поскольку я представляю психологическое сообщество, то мне кажется, что нам, в целом надо думать шире: не только про социологов и социальные практики, но и про такое междисциплинарное сотрудничество, а также про сотрудничество тех людей, которые работают в поле, которые далеки от использования прямых исследовательских методов и представителей академического сообщества.

С 2012 года у нас существует межотраслевое профессиональное объединение, которое занимается изучением темы доказательной эффективности. К 2017 году мы подошли к пониманию того, что перед нами стоят серьезные проблемы. Несмотря на то, что мы все время находимся в поле, где постоянно появляются новые инструменты работы, сообщается об их эффективности, люди, которые развивают эти практики, они, в общем-то, заслуживают максимального доверия и не вызывают никаких вопросов к своей деятельности. Но какого-то конкретного инструмента, который мы могли бы использовать для изучения и сравнения результатов этих практик, мы не имеем. И, собственно, к 2018 году мы подошли к той точке, когда мы поставили перед собой задачу такие инструменты разработать. В качестве решения этой проблемы мы увидели необходимость разработки стандарта, который дал бы общие основания для, с одной стороны, описания практик, которыми пользуются специалисты, с другой стороны, дал бы какие-то конкретные инструменты изучения влияния этих практик. Этот стандарт в каком-то смысле усреднил бы наше понимание того, а что такое эффективная практика и каким образом можно оценивать ее результаты, как их можно изучать. И уже на этапе постановки задачи мы очень хорошо понимали, что мы находимся в ситуации, когда те, люди, которые работают в поле и те люди, которые занимаются изучением социальной проблематики, находятся на разных берегах. С одной стороны, мало обращений идет к системе научного знания как теоретического, так и результатов исследований, практики мало обращаются к этому. Практиками практически не используются исследовательские инструменты, которые могли бы применяться для изучения мнений, опыта благополучателей или для проведения профессиональной экспертизы. Практики кроме,

может быть, самого простого анкетирования ничего больше не используют. То есть это та ситуация, от которой мы отталкиваемся, понимая, во что мы ввязывались.

И уже подойдя к формулировкам основных позиций внутри этого стандарта, мы достаточно долго договаривались. В фокусе у нас оказалось несколько понятий. Мы поняли, что мы в данном случае будем описывать, изучать именно социальные практики. Я думаю, что еще какое-то продолжительное время будут идти активные дискуссии о том, что такое социальная практика. Мы в рамках нашего стандарта договорились о том, что под социальными практиками мы будем понимать комплекс действий, который осознанно, целенаправленно используется для получения заранее известных изменений у нашей целевой аудитории. И мы можем воспроизводить этот комплекс действий и можем говорить о том, что вот именно в такой последовательности он приводит к таким-то конкретно изменениям в ситуации благополучателей. И, собственно, вот эти изменения мы в своем документе предлагаем называть социальными результатами. Такое определение соответствует, тому как это словосочетание используется в международной практике, в российском контексте это достаточно свежо. Доказательный подход, о котором Эльвира много говорила, лег в основу этого стандарта.

Ключевая вещь, которую предлагает этот документ - результат работы практиков и исследователей сферы детства – это сама методология, которую мы положили в основание стандарта. Во-первых, мы выделили четыре компонента доказательного анализа. Их можно разделить на три области. Доказательная база социальной практики складывается из двух позиций. Во-первых, из самого метода инструмента и того комплекса действий, к которому обращаются специалисты для того, чтобы достигать социальных изменений и, во-вторых, собственно, наличия или отсутствия этих изменений. Важным является то, что есть практика и есть какие-то социальные изменения, которые в результате этой практики происходят. В обоих случаях мы задаем себе вопрос, а какие основания лежат, на что мы опираемся, когда мы именно такой комплекс действий начинаем использовать. Мы выбираем эти методы и инструменты, которые лежат в основании, то есть то, что мы называем обоснованность практики. И второе - на каком основании мы делаем выводы о том, что действительно практика, ее применение приводит к каким-то очевидным изменениям социальных ситуаций, которые мы рассчитывали. То есть насколько убедительно или голословно наше утверждение о том, что эти изменения действительно есть.

Тут мы, собственно, и подходим к этой ключевой проблеме, с которой мы столкнулись, а именно с тем, что тот исследовательский инструментарий, который у нас в социальной сфере сейчас используется в прикладных целях, он достаточно редуцирован. И мы как специалисты и практики плохо понимаем, как применять его к своей непосредственно деятельности для решения своих исследовательских запросов. Академическое сообщество работает в несколько иной парадигме, в такой естественно-научной, такой абстрактной, более теоретической. Как правило, та методология, которая применяется, редко может дать ответы на практические запросы и исследовательские запросы самих специалистов. И, собственно, четвертая позиция, на которую мы вышли, это то, что данные о социальных результатах, изменениях, которые в рамках практики достигаются, важно подкреплять хорошими, серьезными, системными исследованиями и серьезными подходами к исследованиям, что сейчас не принято. Это то без чего, конечно, специалисты не справятся.

Мы понимаем, что, с одной стороны, без использования такого серьезного подхода к использованию исследовательской методологии мы не можем представлять результаты будучи уверенными в том, что представленные доказательства имеют убедительные основания. С другой стороны, с такой работой практики без ученых, без исследователей, которые помогут практикам такого рода методологию выстроить не обойтись. Это один из главных выводов, к которому мы пришли. Более десяти организаций у нас были пилотными. Эти организации на основании стандарта описывали свою социальную практику, описывали те результаты, которые они достигают и описывали те исследования, которые они проводят для того, чтобы это обосновать. В общем, это оказалось достаточно сложной задачей для полевого специалиста.

Вторая, по моему мнению, важная вещь, Эльвира про это много сказала, то, что очень важен именно метод триангуляции, если мы говорим, хотим выйти на область доказанного знания. Здесь мы предполагаем, что действительно крайне важно обращаться как к результатам исследований, так и к мнению, и опыту благополучателей и их профессиональной экспертизе и только вот на стыке этих трех областей мы можем говорить о том, что можем в какой-то момент выходить на область доказанного знания, о результатах практики или об эффективности этой практики, того метода, который лежит в основе.

Третья позиция, которую предлагает стандарт - некоторое первичное ранжирование практик по уровню доказанности. Это будет связано с тем, насколько далеко вообще команда продвинулась в использовании и в изучении своей практики: либо они только входят в эту область, либо уже далеко продвинулись. Существуют, например, различные исследования, которые проводились на целевой аудитории и относительно тех методов, которые использует команда. Опираясь на опыт прошлого года можно сказать, что у нас в нашей стране мы пока еще от этого далеки, то есть практик с доказанной эффективностью сегодня даже в хороших крупных организациях пока не существует. Мы решили относиться к этому без трагедии, как к некоторому этапу развития. Но при этом, достаточно трезво смотря этой ситуации в глаза, мы понимаем каким образом мы можем с этим работать дальше.

Наш стандарт позволяет описать свою социальную практику по тем четырем компонентам анализа, которые были указаны: какие общие регламенты есть для обоснования социальной практики, описания результатов и описания тех исследовательских инструментов, которые использовались для изучения этих результатов. На этом основании любая социальная практика может отнести себя по каждому из компонентов анализа к одному из уровней: начальному, среднему, базовому, базовому продвинутому и посмотреть на то, что мы сейчас имеем. Наша пилотная организация, оказались между первым и вторым полем, многие даже на первом. Но при этом эта работа оказалась недостаточна, она оказалась категорически сложной даже для опытных практиков, но при этом крайне развивающей. Потому что за полгода организации, которые давным-давно занимаются этой работой и обоснованием своих практик, говорили о том, что они поняли за полгода больше, чем за пять, семь, десять лет реализации этой практики. Они поняли про то, что они на самом деле делают, какие результаты они получают, каким образом они это изучают.

Вот, собственно, основные направления, которые нам видятся, сотрудничества между социальными практиками и академической наукой, которые нам видятся.

Выводы, которые сделаны на нашем практическом опыте, что полевые специалисты не в состоянии выполнять сложную исследовательскую работу без методической, исследовательской поддержки специалистов. И здесь как раз академическое сообщество может оказаться исключительным ресурсом для развития социальной практики и для профессионализации специалистов, которые работают непосредственно с благополучателями. Для этого мы думаем, что университеты могли бы на своей базе создавать и мы уже сейчас задумали на следующий год, делать обучающие программы с менторами, которые могли бы сопровождать специалистов в процессе описания, изучения своих собственных практик, помогать выстраивать методологию.

Второе – это формирование междисциплинарных команд. Сейчас опыт показывает, что сотрудничество психологов, социологов и специалистов из вне академической науки, но хорошо и давно работающих в определенной области, хорошо понимающих специфику целевых групп, оказывается крайне эффективной. Когда мы не отдаем кому-то одному, то есть кто-то один становится носителем истины какого-то одного знания. Когда у него есть своя методология, по которой он свои исследования проводит, он все время ее применяет, а когда каждый раз создаются какие-то уникальные дизайны прикладных исследований, которые отвечают на задачи и мультидисциплинарные команды – это, с моей точки зрения, такое будущее, куда нам важно двигаться.

Третье направление заключается в том, что мы вот до сих пор находимся в плену естественно-научной методологии. Я думаю, что в социологии это в меньшей степени, а в психологии это очень сильный доминант. Нам практически невозможно зачастую представлять исследование в академическом сообществе, которые выполнены с применением качественной методологии, качественных методов. В этом плане мы с завистью смотрим на социологов, для которых это легитимный инструмент работы и надеемся, что в ближайшие 5-10 лет произойдет в этом плане сдвиг и развитие. Мы активно сейчас пытаемся представить внутри нашего университета ресурсы, потенциал качественной методологии, использования качественных методов в прикладных исследованиях с точки зрения, конечно, развития социальной практики. И еще одна задача, к которой мы сейчас подобрались – это формирование реестров практик, обладающих уже той или иной степенью доказательностью, имеющих доказательную базу, к которой могли бы обращаться другие специалисты. Смотреть, что уже есть, какие исследования в этой области есть, каким образом организации или команды социальных практиков обосновывают свои методы работы, свою эффективность. За счет этого, на наш взгляд, тоже может быть хороший рывок. И это тоже задача, решить которую невозможно без участия академического сообщества, но и без практиков ее тоже решить невозможно. У меня все.

Модератор: Спасибо большое. Есть какие-то вопросы из зала? Можно задать такой вопрос по поводу реестра доказательных практик – насколько стандарт получил распространение среди субъектов, которые финансируют социальные преобразования? Может быть, органы государственной власти проявили к этому интерес или те же фонды, как, например, фонд Тимченко, какие-то крупные доноры?

Гарифулина Эльвира: Я думаю, это к Тане больше вопрос.

Подушкина Татьяна: Я могу скорее впечатления сказать.

Модератор: Да, стандарт вы сделали, а дальше что?

Подушкина Татьяна: Органы исполнительной власти проявляют живой интерес вообще к самому формату стандарта. Им всегда очень нравится, но мы видим в этом, скорее, много рисков, чем... То есть этому рано радоваться, потому что если бы, например, мы могли с уверенностью этот стандарт использовать для решения профессиональных задач, то это было бы прекрасно. И тогда уже как производное - органы власти могли бы это использовать. Но если есть такая уже многолетняя привычка использовать какие-то документы, регламентирующие деятельность или предлагающие какие-то такие основания, векторы в качестве таких контролирующих, то есть проверочных методов. Но наш стандарт точно на это не направлен и не ориентирован. Мы предлагали, многое представляли, в том числе и властям, но все время говорили о том, что он носит рекомендательный характер, развивающий характер, а ни в коем случае не обязательный и такой вот убивающий.

Гарифулина Эльвира: Просто в эту воду входили, работая с заинтересованными сторонами, и в том числе с органами власти. В общем-то, у всех на слуху, начиная от нашей федеральной власти вообще, подход к эффективности и здесь, конечно же, есть вот этот крючок - практики с доказанной эффективностью - он цепляет. Более того, даже в план Десятилетия детства – это национальный план, этот пункт был включен и даже ответственные поставлены за него, правда, те ответственные, которые вообще не были идеологами и не являлись в свое время разработчиками этого. И поэтому я понимаю прекрасно Татьяну, которая говорит об определенных рисках. Потому что мы, например, тоже в ходе дискуссии стали опасаться, что мы опять перейдем к условно лучшей практике, лучшей технологии. Но, по большому счету это ни о чем. Что такое лучше, для кого лучше, вообще каковы критерии этого лучше. И все-таки мы надеемся, что возобладает здравый смысл и возобладает ситуация, при которой уже невозможно откатить назад. Потому что, еще раз повторю, что в европейских странах это уже большой тренд, когда государство ориентируется на развитие, на поддержку и вкладывает свои государственные средства. И бизнес, он вкладывает как раз в подобное. Никто не отменял, что есть инновационные вещи, которые вообще непонятно, выстрелят, не выстрелят и для них тоже необходимы исследования. Это нормальная ситуация, потому что если не будет инновационных практик, то, собственно, не будет практик доказанной эффективности. Это тоже палка такая о двух концах. Поэтому интерес есть. Мы все постепенно очень надеемся, что придем к тому интересу, с которого мы начинали и это не станет профанацией.

Модератор: Все?

Шаповалова Инна: Я немножко прокомментирую, Татьяна здесь сказала о зависти психологов по отношению к социологам. Но я хочу сказать, что мы как социологи вам - психологам завидуем погружению, в какую-то предметную область. А, с другой стороны, мы завидуем той, наверное, стандартизации, которая отражена в апробированных тестовых методиках. Потому что каждый раз, измеряя любой показатель, то же социальное самочувствие, и каждый пускается в самостоятельное плавание. Иногда уже кажется, ну, слушайте, давайте определимся, пусть вот это будет замер социального самочувствия и мы больше не будем к этому обращаться. Да, мы можем что-то добавлять, но пусть остается вот эта стандартная часть, которая выводит нас на стандартные индексы, на какие-то стандартные показатели и мы уже не будем ломать

здесь себе голову и потом доказывать, что эта методика эффективна. Но в свою очередь у меня есть вопрос, если можно вернуться к табличке, где у вас есть... Да, уровня. Скажите, пожалуйста, мне очень интересно, что лежит в основе инструмента, что-то, типа, чек-листа?.

Подушкина Татьяна: Это для разных вот этих позиций. Да, это чек-лист. Мы сделали два совсем простых чек-листа, которые может пройти в течение 15-20 минут любая команда, которая делает практику, просто в режиме да/нет, ответить и посмотреть, насколько у нас есть по основным моментам уже база какая-то. И есть такой большой документ, который подробно описывает каждую позицию и говорит о том, что у нас есть, предположим, теории изменений или есть какой-то перечень социальных результатов, каким образом они должны быть сформулированы, что такое теория изменений, каким образом она может быть в данном случае представлена и так далее. Но за эту работу берутся единицы. Но мы точно можем сказать, что такие организации и команды в нашей стране есть, которым интересно это делать, которые готовы тратить на это время, которые готовы сотрудничать с исследователями. Но они такие пионеры. Для нас для всех это, видимо, какой-то следующий шаг, на который мы, надеюсь, выйдем.

Модератор: Коллеги, это, вероятно, интересно, что для всего того обилия практик удалось создать некий стандартизированный инструмент, позволяющий померить практику независимо от благополучателя, от характера этой практики – это, конечно, на мой взгляд, дорогого стоит. Эльвира, не пользовались этим?

Гарифулина Эльвира: Мы не пользовались, потому что вкладываемся в сам инструмент и вкладываемся в тех, кто пытается в эту область попасть. Здесь, знаете, самая интересная штука заключается, в том, что очень часто как раз люди, которые проходят самодиагностические инструменты, хотят немножко приукрасить, просто лично для себя, даже если вроде никто не просит. Это у вас только будет и поэтому когда верификация пошла, тут стало понятно, что, в общем-то, совершенно никуда дальше мы не продвинулись. И Татьяна правильно сказала, в настоящий момент это самое слабое звено практик иметь вот эту научную верификацию, научные знания, которые действительно позволяют, условно говоря, нейтральным лицам говорить, принимать решения, что действительно есть доказательства, вот этим инструментом он собирался, вот это самое слабое звено в российских практиках. Именно поэтому мы эту тему и завели, что мы прям реально очень полезны друг другу. И, с другой стороны, я уже тоже говорила, что такая большая боль, потому что я же тоже читаю, мы сейчас научный журнал поддерживать будем, иногда научные работы, и понимаю, господа, именитые ученые это пишут, но там такая ересь написана. Даже вот путаница в понятиях, терминах, а это же можно было обсудить с теми же практиками, которые в этой теме. Мне кажется, что это тоже должно стать такой культурой. Не может быть наука реально отделена от действительности, она не живет отдельно сама по себе и очень надеюсь, что все-таки у нас будут появляться те исследования, которые не будут уходить в стол. Мне кажется, что, когда я говорила про мотивацию практиков специалистов, вот для ученых это тоже мотивация. Когда то, что вы делали и чем вы живете, оно стало полезным и оно применяется дальше в жизни в виде рекомендаций, лежит в основе выводов и так далее.

Подушкина Татьяна: У нас практически нет пока такого жанра, то есть исследований, которые посвящены изучению эффективности, изучению влияния. То есть

это как жанр у нас пока не развит при том, что международная практика достаточно серьезная в этой области есть. Мы считаем, что нужно создавать прецедент, надо пробовать, может быть, что-то делать там неправильно, на этих ошибках учиться и делать действительно новые исследования, которые могли бы реально на эти вопросы отвечать. И мне кажется, что это даже не то, что ты хочешь себя приукрасить, ты искренно веришь в то, что есть, у тебя это есть, потому что у тебя в голове, правда, все есть. Человек, который работает, у него в голове все свернуто, там и эффективность, и теория изменений, все на свете, но когда мы просим это из себя выложить так, чтобы это мог почитать или с этим мог познакомиться кто-то вне - вот это очень сложная задача и здесь выясняется, что в этом смысле этого нет. То есть это на уровне понимания, интуиции, хорошего знания своей работы оно есть, а на уровне описанной практики, которая может себя представить, себя защитить и действительно обосновать свое влияние - этого, к сожалению, пока нет.

Модератор: На мой взгляд, соединение действительно социологов и практиков, помимо методологической базы и стандарта, состоит как раз в приучении внешних интервьюеров, которые способны по объективному инструменту, стандарту, стандартной методике, собрать эту информацию и исключить как раз те ошибки, о которых говорила Эльвира, по самооценке, которые не позволяют отклониться от того или другого показателя, или он есть, или его нет. Может быть, если фонд поддерживает это, может, инициировать такое большое исследование и собрать это все в один, может быть, методический какой-то...

Подушкина Татьяна: У нас очень интересный проект идет, который последний, который на стыке. Он в полной мере на основе этого стандарта и вот он приблизительно то, о чем Эльвира говорила. Это про оценку с участием детей. Это проект, который тоже проходит при поддержке нашего университета, когда мы попробовали каждой команде практиков, которые готовы проводить, исследования с участием детей, подобрать опытного академического исследователя из нашего университета или из той области, который занимается именно этим. И вот сейчас у нас запущено 15 прикладных исследований. Посмотрим, что получится. Это тоже очень интересно, потому что...

Гарифулина Эльвира: Можно пять секунд? Мы в этом году почему вообще поменяли методологию, подход к этому, потому что когда мы в прошлом году делали, примерно, то же самое, у нас доходило до смешного, у нас академическая среда практически выживала, говорила нет, вот это не надо поддерживать, это плохое, никакое исследование, тех, кто использовал нетрадиционные инструменты. И когда мы говорим, что вот в этом же суть. Мы ради этого затевали. Потому что классические вещи не работают с детьми, тем более, с детьми с особенностями, что в этом смысл-то и был. И мы поняли, что несмотря на то, что академическая среда учит и готовит исследователей, но, по сути, академическую среду тоже, ну, не готовить надо, но, по крайней мере, развивать определенные компетенции и определенный кругозор на некоторые вещи.

Модератор: Татьяна, большое спасибо. Пожалуйста.

Мехова Альбина: Мехова Альбина, завкафедрой социологии, социальных технологий Череповецкого государственного университета. Я, к сожалению, опоздала, прошу прощения, но почти все выступление слушала и у меня как бы такое, может быть, немножко... У нас, наверное Эльвира знает, есть благотворительный фонд «Дорога к

дому» и мы там работаем совместно с университетом и у нас как раз был маленький опыт. Я очень благодарна, что вы поднимаете эту тему, потому что на самом деле мы пытаемся у себя как раз такие вещи сделать. «Дорога к дому» благотворительный фонд Северстали, который работает как раз в сфере детства и они используют проектный подход и сам проект, фонд «Дорога к дому». Мы каждый год проводим, так скажем, социологическую экспертизу эффективности, как раз применяя вот эти инструменты, то есть у нас есть как бы круговая оценка и вот эти вещи на самом деле очень хорошо воспринимаются главным акционером Мордашовым...

Гарифулина Эльвира: Донорами вообще всегда такие вещи хорошо воспринимаются.

Мехова Альбина: Да, но на самом деле он требует этого, вот что важно. Поэтому я к тому, что и академическая среда, и бизнес, и детство, которым занимается бизнес, они заинтересованы в этом и если вот эти вещи будут несколько стандартизированы, за что вам большая благодарность. Потому что, например, в этом году, когда «Дорога к дому» делала отчетный доклад, то была поставлена такая вот проблема, как сравнить фонд «Дорога к дому» с другими фондами, ваши практики с другими практиками. И вот здесь как раз эти стандарты... Да, мы сделали какой-то бенчмаркинг, мы сделали социологическую экспертизу, но это такой точечный момент и вовсе не факт, что он будет принят как некий верифицированный, доказательный подход. Поэтому, если бы вот такие фонды, как фонд Тимченко, другие выступили с этой инициативой разработать некую сравнительную методику, которая могла бы не только выявить лучшие, вы правы, тут есть момент, по крайней мере, показать такую динамику и рейтинг – я не люблю это слово, но, тем не менее, на кого ориентироваться, и вот эти доказательные вещи, которые были приняты в общем, было бы очень чудесно. Спасибо.

Модератор: Большое спасибо. Мы очень активно действительно работаем с фондом «Дорога к дому», замечательный фонд, и он является так же участником нашего проекта доказательных социальных практик, поэтому, я думаю, что сотрудничество у нас еще будет продолжаться. Я хотела бы обратить внимание, что стандарт, который Татьяна озвучила, состоит из трех частей. Один, о котором мы сейчас рассказывали, именно аспект, который помогает нам получать некие независимые, скажем так, научные доказательства того как социальные практики работают. Не менее важный аспект связан с подтверждением работающей практики со стороны непосредственно благополучателей, то есть в данном случае детей, родителей и остального окружения, через которые происходят эти социальные преобразования. И вот этот аспект вовлечения благополучателей в деятельность НКО является методом, в том числе нашего внимания. Я представляю некоммерческую организацию «Эволюция и Филантропия». Наш фокус в основном – это планирование, оценка социального воздействия и вот мы так же являлись участниками программы стандартов и поняли, что несмотря на всю кажущуюся очевидность того, что некоммерческие организации эффективно работают со своими благополучателями, здесь большое поле, в том числе и для вообще исследований, для понимания того, что на самом деле происходит вот по теме вовлечения благополучателей в деятельность некоммерческих организаций. Таких исследований раньше не проводилось, поэтому мы решили хотя бы немного эту поляну, на эту поляну посмотреть и провели такое довольно небольшое, конечно, это не было социологическое исследование, не по интервью, мы исключительно смотрели

информацию в Интернете. И я бы хотела сегодня, пользуясь случаем, попросить Ольгу Дроздову, которая непосредственно проводила это исследование, при освещении его результатов как раз в большей степени, наверное, остановиться на теме связки некоммерческих организаций с социологами, то есть те барьеры, которые сейчас существуют и, возможно, как эти барьеры можно было бы устранить.

Дроздова Ольга: Спасибо. Я сначала немножко расскажу про нашу организацию, потому что мы не социологи и не полевая организация, мы вот такая как бы прослоечная организация, инфраструктурная и мы занимаемся информированием и коммуникациями. То есть мы Агентство социальной информации. Мы, прежде всего, новостное агентство и коммуникационное агентство для сектора. Почему мы взяли за эту работу? Наверное, потому что мы уже давно работаем, и тоже осознаем, насколько важно доказательство пользы от работы некоммерческих организаций для того, чтобы общество начало обращать внимание на этот сектор. Для того, чтобы общество и разные акторы понимали, что некоммерческие организации – это профессиональные организации и эффективно работающие организации. Для того, чтобы люди стали доверять им свои, не знаю, свои деньги. В конце концов, приходили к ним работать волонтерами и вот доверяли им. И без какой-то действительно доказательной базы это невозможно. Поэтому очень давно и когда у нас есть возможность, мы сами проводим какие-то исследования, заказываем их, работая с социологическими агентствами, мы очень тесно работаем с Высшей школы экономики, с Центром исследования гражданского общества и некоммерческого сектора. Мы видим этот разрыв, про который уже коллеги говорили тут неоднократно, что как бы на одном берегу у нас есть наука и совершенно где-то на другом берегу, вообще даже через лес у нас есть практики, которые как-то там сами на ощупь, основываясь на своей интуиции работают. Мы часто к этой теме возвращаемся, у нас есть такой медиаclub и медиациентр в центре «Благосфера», мы часто туда приводим социологов, которые помогают некоммерческим организациям понять вообще в чем ценность, собственно, данных, как работать с данными, как их интерпретировать, как вообще начать работу друг с другом. Потому что не секрет, что НКО, очень многие даже не знают, где брать статистику, где брать социологию, где брать вообще хоть что-то для того, чтобы доказывать вообще нужность проектов и так далее. То есть работать не на интуитивном уровне, а сейчас, в принципе, это не очень возможно, потому что и донор, и общество в целом предъявляют, конечно, к некоммерческим организациям все больше и больше требований.

Про исследование. Это было такое не грандиозное исследование, такая совсем небольшая попытка, действительно, посмотреть, как некоммерческие организации работают со своими благополучателями в смысле обратной связи, что у них спрашивают, когда спрашивают, в каких случаях, что они с этим делают, зачем они это делают и какими инструментами пользуются. И, конечно, тут надо сразу сказать, что это не попытка, конечно, посмотреть, что происходит во всем некоммерческом секторе, потому что у нас не было такой возможности, у нас не было столько источников. Мы посмотрели практики только таких вот передовых организаций, сливки. Почему сливки, потому что как мне кажется, нет такого научного доказательства, но по нашему опыту, осту тех организаций, которые работают в сфере детства, а их, наверное, больше всего в нашей стране – это, наверное, самые такие достаточно передовые организации, потому что они и понятные и сфера приложения такая. И мы работали с теми из них, кто вообще

смотрит в сторону эффективности, кто сотрудничает и с фондом Тимченко, и с Центром развития филантропии, то есть теми, кому вообще не все равно и кто готов больше отчитываться, кто готов в сторону доказательства смотреть. Собственно, про что было исследование. Мы хотели выявить, посмотреть, что вообще происходит, попробовать определить какие-то успешные практики или не успешные – это, конечно, сложно. И главное найти барьеры, точки роста и понять вообще, что могут сделать сами НКО и те инфраструктурные организации, которые им могут помочь.

Про источники. Они были такие разнородные, потому что до этого никаких специальных исследований, в принципе, не проводилось. Это данные, полученные благодаря усилиям тех фондов, которым это интересно, то есть это данные отчетов, данные каких-то небольших опросов. Там принимали участие где-то там 100 организаций, где-то 50, где-то там еще, это часто одни и те же организации. Мы анализировали то, что можно было анализировать и это вот данные буквально последних нескольких лет. И специально для этого исследования мы провели опрос, вернее, интервью с 12 организациями. Все они работают в сфере детства, все они как бы вокруг всех практик «Эволюция и Филантропия» и Фонда Тимченко. И даже вот эти 12 таких достаточно передовых – это тоже очень, очень разные организации, в том числе сам Фонд Тимченко, который очень как бы сильно отличается и отрывается, и организации и московские, на федеральном уровне работающие, и работающие на очень таком региональном уровне. Конечно, уровень практики у всех достаточно разный, поэтому сделать обобщение тут совершенно невозможно. Но, тем не менее, выводы какие-то мы сделали.

Во-первых, конечно все те НКО, с которыми мы пообщались, и то, что мы знаем по собственному опыту, они, конечно, собирают обратную связь. Они собирают ее кто-то систематически, кто-то менее систематически, но делается это по разным причинам. То есть мотивы и стимулы тоже нам были очень интересны. Это, конечно, прежде всего, такой очень прагматичный подход. То есть организации собирают это для того, чтобы как-то двигаться дальше, для того, чтобы понимать запросы аудитории, понимать потребности и хоть как-то пытаться оценивать качество услуг. Очень немногие, но, тем не менее, речь об этом шла, говорили про этические аспекты. Потому что организации, которые работают в сфере детства, как и другие некоммерческие организации, они работают с людьми достаточно уязвимыми, которых обычно, в принципе, никто не спрашивает о том, что с ними происходит. Поэтому с этической точки зрения организации понимают, что не спросить они не могут. И благодаря вот этой обратной связи, они получают действительно уникальную информацию, которую больше никаким другим способом не получишь. Организации собирают обратную связь уже в меньшей степени для того, чтобы использовать в своих собственных коммуникациях внешних, говорить своим донорам, своим стейкхолдерам, кому угодно в обществе, объяснять, что они вообще делают. Это какая-то очень такая понятная история и это очень хорошо работает. И, конечно, есть очень важный стимул. И он все больше и больше имеет значение, это стимул со стороны доноров. И государство, и государственные грантодающие организации и частные люди, которые дают частные пожертвования или там участвуют в краундфандинговых каких-то кампаниях, они готовы давать деньги, только когда они понимают, что от работы организации есть какая-то польза. И польза

эта вот лучше всего, конечно, доказывается какой-то обратной связью от благополучателей.

Второй вывод про то, что, что обратная связь, при всем при этом, собирается не всегда. По тем вот каким-то, их трудно, конечно, назвать количественными данными, но, все таки, по тем данным, которые у нас есть, мы понимаем, что, даже вот одинаковая практика, например, обучения или клуб приёмных родителей. Вот какая-то организация собирает обратную связь для этого, а какая-то не собирает. Почему это? Ну, не понятно совершенно. То есть, это какое-то их собственное всегда решение. Третье - это такая самодеятельность. То есть большинство организаций, они, конечно, сами, своими какими-то силами, в силу своих знаний, представлений, собирают обратную связь, они делают сами анкеты чаще всего, для получения обратной связи. Сами придумывают, сами собирают, сами анализируют. И чаще всего они получают, конечно, такие, да - «ну, хорошо мы сделали?», - «да, хорошо», «плохо?», - «плохо». Вот. Они не всегда удовлетворены, собственно, вот этим инструментарием, который они сами разрабатывают. И, конечно, они осознают, что у них не хватает для этого компетенций и ресурсов не хватает. То есть не у всех есть социологи в штате. У кого-то есть психологи, педагоги, но вот они сами там что-то придумывают. Международные организации, которые попали в поле нашего зрения, их мало. У них есть какая-то апробированная международная методика, которая даже иногда тестируется, иногда даже и не тестируется. И поэтому, те НКО, с которыми мы разговаривали, они заинтересованы в экспертизе, и обмене опытом, и в обучении.

Еще один вывод этого исследования заключается в том, что НКО, даже тесно работая и тесно коммуницируя со своими благополучателями, когда они собирают от них обратную связь, они им потом не рассказывают какие выводы они сделали, что они с этим сделали, какие они решения приняли. То есть благополучатели они что-то НКО рассказали, но дальше они не знают, что происходит. И еще, это собственно уже не из интервью, а по всем нашим источникам понятно, что тема эта обсуждается пока мало, мало мы этому уделяем внимания.

Теперь вот про то, как собирают обратную связь. Чаще всего, 90% - это анкетирование, когда сами организации придумывают анкеты, собирают либо после мероприятий, либо собирают онлайн через гугл-формы. Чаще оффлайн, после мероприятия, там все хорошо, а потом все, конечно, не так хорошо, потому что не очень хорошо отвечают благополучатели. Другие способы используются гораздо реже. Потому что они и дороже во всех отношениях. Это и телефонный опрос, и интервью, фокус-группы - гораздо реже. Но есть, способы, которые уже зашиты в современные коммуникационные инструменты, например, в социальных сетях можно получать обратную связь, или в онлайн формах, или на горячих линиях. То есть организации, у которых есть такие инструменты, они их, конечно, используют. Но они их пока не воспринимают как такой канал обратной связи, который можно анализировать. Есть еще такой очень ценный способ получения обратной связи, как неформальное общение, но он неформализованный, из него очень ценную можно получить информацию, но как с ним работать не совсем понятно.

Про барьеры. Барьеры можно разделить на две группы. Первый - это такой вообще связанный с нашей культурой. Для благополучателей...ну, во-первых, и сами НКО их часто как бы не считают экспертами. Они их считают такими благополучателями,

реципиентами. То есть здесь такое немножечко не горизонтальное, а вертикальное у них взаимодействие. И благополучатели воспринимают их как некое обременение. Они получают какую-то услугу, и в общем, довольны или недовольны, а вот что-то отдавать обратно – они не очень хотят. Качество обратной связи не устраивает НКО. И некоторые из них понимают, что это, наверное, связано с не очень грамотной методикой. А также с тем, что нужно вообще работать с благополучателями, чтобы они лучше артикулировали и свои потребности как-то формулировали. В небольших городах, в небольших сообществах очень трудно узнать правду, потому что кто-то боится кого-то подвести, кто-то наоборот. Люди боятся навредить, поэтому говорят хорошее. «Хорошо?», - «Хорошо». А если плохо, то могут вообще не сказать. И еще, это тоже связано с культурой, но это уже переход к проблемам самого некоммерческого сектора. Он хоть у нас и открытый, он немножечко закрытый. Поэтому то, что как бы внутри сектора, мы не делимся между собой. А в самом секторе, конечно, мало денег, мало времени на рефлексию, мало как бы, компетенций. У НКО есть огромная потребность в помощи специалистов, в том, чтобы получить вообще какую-то подготовку, работая с разными инструментами. Потребность в том, чтобы вообще получить из анкет нормальные ответы. И для того, чтобы как-то оптимизировать работу, и, собственно, научиться собирать обратную связь в формате в процессе неформальной коммуникации и людям возвращать обратную связь. Поэтому, конечно, и социологи, и какие-то ресурсные центры и этими ресурсными центрами, кстати, в регионах могут быть университеты, они могли бы подключиться к тому, чтобы помогать НКО собирать эту обратную связь. Вот и, собственно, наверное, всё.

Модератор: Спасибо большое. Вопросы есть уточняющие?

Мехова Альбина: Я бы хотела дать небольшой комментарий. Правильно ли я поняла, что обратная связь снимается только уже после оказания какой-то услуги?

Дроздова Ольга: Чаще всего – да, но нет, конечно, не всегда. Есть организации, которые планируют, они собирают обратную связь на всем цикле. То есть на моменте начала, в начале работы с любым благополучателем собираются, конечно, какие-то потребности. Да. И есть организации, которые даже вот ставят условия, то есть, если мы с вами начинаем работать, это наша совместная работа, и ваша обратная связь – это условие нашей совместной работы. Но таких организаций, конечно, пока что единицы. Поэтому многие снимают какие-то потребности, дальше они смотрят, мониторят что дальше происходит разными способами. Часто люди пропадают, потому что многие НКО, с которыми мы имели дело они работают с такими малоресурсными группами, то есть люди не очень приучены вообще к коммуникациям. То есть они не очень умеют какими-то инструментами и онлайн инструментами пользоваться, и, в общем, и никто у них раньше не спрашивал и они не умеют общаться. И вот это огромная зона для развития. Обратная связь - это, конечно, инструмент для получения какого-то уникального знания, для доказательства вообще и для оценки – это, конечно, важнейшая часть коммуникационной работы любой некоммерческой организации.

Мехова Альбина: Скажите такой тоже вопрос, а выходили ли вы к ВУЗам с предложениями подключиться к проектам. Вот вы говорите, что необходимо объединять вузовскую науку.

Дроздова Ольга: В этом конкретном проекте – нет пока, но мне кажется, что это какой-то один из выводов. Тем более, что вы вот очень хорошо рассказали про череповецкий опыт и во многих крупных городах есть университеты. И хоть в каких-то из этих университетов есть уже ощущение, что университет может быть таким ресурсным центром для общественного развития города или области. В Томске, например, насколько я понимаю, вот задумывается университет над тем, чтобы быть вот такой экспертной площадкой, ресурсной площадкой, которая может академическими способами помочь практикам быть более эффективными.

Мехова Альбина: Я полностью с вами согласна, и тем более я тоже представляю исследовательскую науку и, конечно, мы не просто задумываемся, это наша задача. Я бы даже сказала, что это наша миссия, по сути. Но я знаю также проблему как взгляд со стороны именно социолога, со стороны вузовской науки, что мы не можем бежать за уходящим поездом постоянно. То есть, да, мы обозначаем свои возможности, свои функции, свои ресурсы, которыми мы обладаем, но не всегда, даже я бы сказала, достаточно редко практики именно выходят навстречу и говорят – да, мы хотим, мы хотим сотрудничать, помогите нам, или наоборот, давайте мы вам что-то расскажем, подскажем.

Дроздова Ольга: Да, я с Вами согласна, такое есть, да.

Мехова Альбина: Да, то есть это получается. Мы, по сути дела, кричим, в том числе и через какие-то публикации, может быть, действительно, с какими-то ошибками, что вот, мы занимаемся этим, пожалуйста.

Дроздова Ольга: Это вот для инфраструктурных организаций, конечно, такая большая задача. Постоянно как-то продвигать нужность и вообще полезность этой темы. Не насильно, но как-то собирать вместе, устраивать какие-то конференции, устраивать какие-то обсуждения, и показывать, как действительно меняется любой проект от того, что у него есть доказательства, у него есть вот какая-то вот база, статистика, любое подкрепление, такое, действительно, научное, не самодеятельное. А вообще, конечно, в некоммерческом секторе, поскольку люди очень креативные, они очень любят сами много чего изобретать и в том числе инструменты для всего. И не всегда готовы, не то, что не готовы делиться, это вот изобретение, есть такое, это как бы и хорошо, это и оборачивается нашей вот такой вот постоянной нашей самодеятельностью.

Модератор: Спасибо большое, Ольга. Я бы хотела еще два слова сказать, что вот в рамках проекта, результаты которого вы прослушали, у нас еще одна такая задача, мы сами себе её поставили. Мы, когда стали работать с непосредственно некоммерческими организациями, то запрос стал очевидный, возвращаясь к тому, что в том числе озвучила Ольга, что некоммерческие организации используют вот то, что называется на коленках смастряченные инструменты. То есть, не понимая ценность сбора обратной связи. Но наиболее продвинутые в этом, которые уже много лет строят обратную связь, сейчас достигли такой «точки неудовлетворенности». Они понимают, что бесконечные анкеты, которые они собирают с организаций, они, во-первых, и даже если они их могут обрабатывать, далеко не всегда, конечно, они их могут обрабатывать, - они не дают им никакой ценной информации. Они понимают, что время они тратят и ничего. В лучшем случае это используется для отчетности, для отчета донору. Это важно, это прекрасно, потому что на устойчивость работает. Но организации, которые вышли, которые

довольно устойчивы, которые стремятся улучшить качество своих услуг, улучшить качество поддержки некоммерческих организаций, для них это, конечно, мало. И вот запрос, который мы осознали, который мы пытаемся в рамках проекта удовлетворить, связан, с одной стороны, с повышением качества инструментария. Если это анкета, то давайте проверим, насколько анкета действительно правильно составлена, если это гайд для глубинного интервью, то насколько гайд позволяет отвечать на те или иные вопросы. Если это фокус-группа, то как ее правильно провести. И вот мы в рамках проекта выбрали несколько в основном региональных, но и московских некоммерческих организаций, и как бы приставили им такого коуча – исследователя, оценщика, который помогает им взглянуть на весь имеющийся инструментарий под таким более профессиональным углом. Но это такая точечная работа, она индивидуальная, то есть мы пока еще думаем, каким образом это можно масштабировать. А параллельно у нас вопрос возник по поводу создания так называемых стандартизированных инструментов или стандартизированных подходов к набору этих инструментов. Это вот тоже все, что мы сейчас делаем и будем рады любому партнерству с заинтересованными организациями, и параллельно мы собрали с наших пилотных организаций их инструментарий и постараемся как-то его сейчас, в процессе, постараемся как-то стандартно описать. Потому что для того, чтобы организации имели вот как раз доступ к опыту и практикам друг друга. И это будет такая структурированная онлайн база методов и инструментов, которая будет позволять некоммерческим организациям по определенным критериям поиска выбирать, по крайней мере, выбирать себе, возможно, тот инструмент, который та или иная организация уже использует. Чтобы они каждый раз не изобретали на коленках, а могли посмотреть, что пользуется спросом и проверено так или иначе у коллег, которые занимаются схожими практиками. Да, пожалуйста.

Реплика из зала: Спасибо, дорогие коллеги, я на этой секции гость. Просто вот второй день ищу, где же она, социальная инженерия, и чувствую, что на этой секции я ее и нашла. Я представитель академической социологии, работаю в Академии наук, Институт социально-политических исследований, я молодежный социолог. Вот, во-первых, если можно буквально два слова, мне кажется очень удачное у вас название «Танго вдвоем», понимаете. И неважно, кто ведущий, а кто ведомый, они меняются ролями. Да, партнер ведет, но партнер же и вдохновляет. Потом, момент, вот вопрос кто кого вдохновит, то ли учёный своими разработками, то ли практик своим запросом, это еще вопрос, они всё время меняются. Главное, у них одна цель, понимаете, это пассионарность, вы же не сказали, что это подыграться или клиент - клиентка. Это именно так. Даже не вальс, понимаете, во всем его великолепии. И тут определенная должна быть пассионарность. Вопрос, который здесь, так или иначе, поднимается, он настолько фундаментальный, вот он во мне, как в академическом ученом просто отзывается и болью, и бальзамом, и всем на свете. О чем идет речь? То, что вы обсуждаете, это фактически вопрос о существовании двух типов получения социального знания. Это фундаментальная наука, фундаментальная социология, хотя никто сейчас об этом казалось бы не говорил, но фактически речь идет именно об этом. И прикладная наука. Когда вы говорите о том, что нужны какие-то стандартизированные вещи, по-видимому, вы говорите о том, что нужно понимать какие универсальные механизмы в социальном взаимодействии у социальных практиков существуют. А это предмет исследования, предмет разработки именно фундаментальной социологии, где давным-

давно, Елена Сергеевна знает, мы очень много лет сотрудничаем, мы просто стонем от недостатка возможностей, а не все от нас зависит, поверьте, для создания вот таких вот междисциплинарных команд. При чем междисциплинарных не в том смысле, что собрать всех в одну комнату представителей разных наук и сказать, что вот, дескать, вот тут сейчас начнется пространство междисциплинарности. А когда один и тот же, какой-то объект мы рассматриваем с точки зрения предметных областей разных наук: социология, психология, антропология, нейрофизиология. У меня это просто навязчивая идея. Я считаю, что без нейрофизиологии никуда не двинется социология. Потому что пока мы рассматриваем статусы и роли, давным-давно выяснено, что вот тут вот у нас внутри один участок головного мозга, который отвечает за доверие, второй участок головного мозга, который отвечает за потребность в справедливости и так далее. Так вот, вот эта сторона, конечно, во многом она зависит, во многом, а на сегодняшний день практически она оказалась повязана вот этой министерской политикой в отношении академических исследований. Я не буду в эту тему углубляться, поверьте, что нам очень сложно выживать, когда упрёк, справедливый упрёк бросается в сторону академических исследователей, которые вот на уровне квантофрени – не мой термин, Анна Кулешова вбросила в сообщество, квантофрениа, понимаете? Когда мы, значит, нашу эффективность Министерство образования и науки меряет количеством публикаций. Они разработали методичку, многоэтажная формула подсчета нашей эффективности и количества трудозатрат, человеко-часов на написание научной статьи. Достаточно я думаю, да? Для того, чтобы всем впечатлиться. Поэтому вот чем мы заняты. Хотя, мы, естественно, понимаем этот внутренний ролевой конфликт ученого, который, понимаете, чем он должен фактически заниматься. Так вот в результате таких фундаментальных исследований и выявляются как бы некие закономерности в жизни общества, повторяющиеся механизмы. Вот отсюда могут рождаться так называемые стандарты. Дальше, а прикладная часть исследований, когда вот эти отработанные универсальные механизмы уберут, прикладники в сотрудничестве с конкретными организациями, и применяют это уже в деятельности конкретных организаций, когда можно что-то откорректировать. Вот здесь вот уже важна эта обратная связь, потому что каждый конкретный кейс он тоже может порождать какие-то нюансы. Еще по поводу стандартизации. Вы знаете, я бы не стала недооценивать еще и такой фактор, как возможность интерпретации. Потому что можно взять готовый инструментарий, так сказать, один может дрель в руки взять, другой, но результат получится далеко не одинаковый. Потому что оказывается, что вот стену он недооценил, стена вот такая, надо было не такой спил, а другой брать. Поэтому, в этом смысле, вот как-то, так сказать, навеяло, что делать я не знаю, потому что мы вот в заложниках этой политики научной.

Гарифулина Эльвира: Можно попросить пересмотреть показатели эффективности.

Реплика из зала: Ну, я не рискнула бы с такой просьбой. А вот давайте, вы понимаете, вот смех смехом, а, между прочим, они хотят померить, понятно, что любая управляющая структура должна найти, нащупать какой-то механизм, как ей оценить, на что идут государственные деньги, да. Вот, пожалуйста, товарищи, потому что они спрашивают ученых, как вас оценить? Кто-то скажет, цитируемость. Ну что цитируемость? А вот там вот виагра для Хирша, она очень быстро нашлась, поэтому это все очень легко решается. Вот она жизнь-то где, понимаете. Поэтому, может быть, здесь практикам спасение в социологах.

Модератор: Коллеги, большое спасибо. У нас есть еще один доклад как раз от практиков. Я попрошу Заводилкину Ольгу Владимировну, специалиста-эксперта благотворительного фонда «Расправь крылья» поделиться своим персональным опытом и опытом фонда в организации и проведения исследований, очень интересно. Пожалуйста.

Заводилкина Ольга: Да. То есть я буду основываться не столько на результатах исследования, которые очень интересные, а именно на взаимодействии НКО и научного сообщества на всех этапах проведения исследования. Исследование у нас называлось «Влияние деятельности НКО на социальную адаптацию детей-сирот: опрос благополучателей». Проводили мы его, мы – это благотворительный фонд социальной помощи детям «Расправь крылья» в партнерстве с Институтом изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования при поддержке Комитета общественных связей города Москвы в 2017-м году. У нас было два основных вопроса, для нас было важно, прежде всего, понять влияет ли деятельность НКО на социальную адаптацию сирот. Но поскольку мы - организация хоть и московская, но работали не в Москве с сиротами. У нас была возможность и позиция, что мы независимо пришли в Москву, это не наши благополучатели, мы можем посмотреть на это со стороны, то есть быть более-менее объективными. А с другой стороны, в Москве очень много НКО (80 НКО), которые работают с детьми-сиротами. Восемьдесят. Это очень много. И поэтому с каждым ребенком на протяжении его жизни в детском доме до замещающей семьи работают от 5 до 10 НКО. Из-за этой связи вычленить влияние какого-то одного НКО, больше, чем другого, практически невозможно. Поэтому мы решили посмотреть какой-то аккумуляционный эффект деятельности всех НКО на сирот города Москвы. С другой стороны, нам было очень интересно сравнить обычных наших сирот, и детей из кровных семей. Мы заузили аудиторию и сравнивали только референтные группы, сравнивали друг с другом. Это были студенты профессиональных образовательных учреждений, то есть, колледжей. Мы не сравнивали в ВУЗах и ПТУ. И вот первый этап. У нас была задача сразу, с первого момента, нам нужно было сделать так, чтобы к результатам нашего исследования испытывали доверие, как практики, так и научное сообщество. Поэтому, еще на этапе разработки самого инструмента, мы собрали НКО московские, чтобы с ними обсудить, как мы это будем делать. С другой стороны, мы подали, отдали нашу анкету на экспертизу. У нас было четыре доктора наук, восемь кандидатов наук, два самих сотрудника НКО, которые нашу анкету всю прочитали, просмотрели, сделали нам замечания. Мы поменяли формулировки вопросов, сократили количество вопросов, немножко поменяли структуру анкеты. Здесь, к сожалению, не видно, но у нас анкета, она такая яркая была, как книжечка, как альбом, с картинками разными, и с вопросами для детей. То есть когда они получали, они очень удивлялись, потому что бумажные анкеты они привыкли заполнять, а это книжка, там и картинку можно посмотреть, еще чего-то, у нас на сайте все есть: и сам опросник, и результаты. То есть самое важное, что мы изначально захотели повысить доверие к нашим результатам. Плюс у нас есть экспертиза, подписанная докторами наук, это и грантодателю хорошо, что мы не сами его придумали, ну, и опять, когда мы сейчас публикуем наши результаты в зарубежных журналах, там есть такое понятие об этическом кодексе «а прошел ли ваш опросник на тему там этического кодекса?». То, что у нас такая экспертиза есть, нам это позволяет эти результаты выносить не только в страну, но и за рубеж.

Следующий этап, мы апробировали эту анкету, был пилотный опрос. Мы это делали не в Москве, чтобы не попортить респондентов. Делали в Белгородской и Смоленской области, в Калужской, и опять же, мы работали сознательно на повышение доверия к самому инструменту.

Проведение опроса. Опрос был достаточно большой, то есть, мы опросили, вы видите, 1489 респондентов. Из них 1178 молодых людей и 311 специалистов. Примерно в одинаковом количестве это были сироты, но сирот мы практически всех опросили, которые были в Москве в детских домах, которые по возрасту подходили. Это были дети от 14 до 18 лет и привлечение такого большого количества респондентов – это все-таки еще один камешек в обоснованность полученных результатов.

Дальше следующий этап: как мы обрабатывали результаты. На основании консультаций с представителями научного сообщества, мы поняли, что мы не можем просто взять и сравнить, - вот у нас сироты, вот у нас из кровных семей. Мы выравнивали группы. И, прежде всего, мы их выравнивали по полу, по возрасту, и по тому, где они все-таки обучаются, чтобы у нас не было смещения. Поэтому вот на инфографике показано как мы все это сделали. То есть группы у нас были выровнены, при чем у нас были выровнены группы для оценки влияния НКО. Потому что 80% детей, опрошенных нами, принимали участие в работе НКО. Осталось только 20%, которые не принимали. И нам по характеристикам вот этой вот группы, маленькой, двадцатипроцентной, надо было выровнять основную, чтобы у нас не было сдвигов и не было никаких других факторов. Можно так сказать, что мы использовали квазиэксперимент. Здесь же вот нам посоветовали и как мы обрабатывали результаты, здесь описаны все статистические процедуры, программы, которые мы использовали, уровень значимости и все остальное. Это мы скажем то, что вот в деятельность НКО привнесено наукой, научным сообществом. То есть цель всего этого – это обоснованность результатов. Чтобы те результаты, которые мы получим, они изначально воспринимались, как доказанные, достоверные и все другие умные слова, которые НКО не понимают в массе своей, но им, мне кажется, и не надо это понимать, главное, чтобы за этим стояла некоторая научная методология.

И пятый этап, когда мы представили результаты, потому что основная тема – это возможности и ограничения использования результатов, проведенных исследований. То есть мы много-много всего делали на этапе подготовки, проведения, работали на обоснованность, на достоверность, на доказательность и так далее и так далее. К чему же в результате это привело – вот самый интересный вопрос, когда мы уже стали эти результаты презентовать. И некоммерческому сектору и научному сообществу. У нас тут два пути. Для НКО мы разослали всем наш отчет по почте, потом еще 500 экземпляров издали красивых, всем раздали и еще отдали в органы власти, а с точки зрения научного сообщества мы выпустили отчет в eLibrary, то есть он там размещен, доступен для всех, как говорится, представителей.

И что же у нас получилось? Вот тут сразу захотелось немного, просто два слова сказать о результатах, иначе будет не очень понятно, почему следующие сложности возникли. Первое, что у нас оказалось, что мы немножечко не вписались со своими результатами в главное течение, в мейнстрим того, как пишут о сиротах. То есть, в основном, цифры звучат, что только 10% сирот адаптируются в этой жизни и так далее и так далее. Остальные никто не адаптируется. Но вот на первом графике, на верхнем, мы

видим, что это у нас кровные семьи, дети из кровных семей и дети из семей, видите, распределение практически одинаковое. Здесь нет сдвигов. Если бы только 10% адаптировалось у нас был бы сдвиг реальный. Здесь мы видим одно и то же распределение. Они разные, да, среди них есть те, которые хуже адаптируются, есть те, которые лучше, основная масса, как по закону распределения находится в серединке, все нормально, сироты разные, это неоднородная масса. И уж точно не 10% только из них адаптируются.

Более приятная нам для НКО – это вторая, нижняя картинка. Там хотя мы видим сдвиг в сторону более адаптированных, это вот синенькое поле – это те, кто участвовали в программах НКО. То есть мы доказали, что – да, ребята, которые участвовали в программах НКО, более адаптированные, и по всем там показателям они лучше, чем... Я часто пользуюсь словами «лучше-хуже», тоже не могу от этого отойти, хотя, конечно, в самом исследовании и в отчете используются другие, более грамотные слова, когда начинаешь об этом рассказывать, никак не получается уйти вот от этих слов.

Различия сирот и не сирот – там получились разнонаправленные различия. Где-то сироты лучше, чем дети из кровных семей, где-то они хуже, то есть это нельзя однозначно оценивать. Почему исследуя адаптируемость, адаптацию, мы взяли обычных молодых людей, нормальную группу, чтобы было с чем сравнивать. Мы же не знаем, с чем нам сравнивать. Есть и другие ребята, которые адаптируются сейчас. И вот приняв их за норму, мы сравнили с ними и получили, таким образом, такие результаты.

И что же получилось? Основное использование результатов мы думали, это как, для чего? Это написание грантовых заявок. Мы вообще-то поняли, что эту нашу информацию, что не 10%, а побольше адаптируются, что они все разные, НКО встречает в штыки. Когда мы в первый раз пришли и сказали, что ребята, вы знаете, а вообще-то они не такие, не все так плохо, как вам кажется. И первый раз, когда мы так презентовали, мы получили очень большой эффект со стороны некоммерческого сектора. Второй раз, когда мы пришли, мы уже стали презентовать по-другому: ребята, а вы знаете, вы так классно поработали в Москве, что оказывается, благодаря вашей деятельности, у нас практически нет теперь различий между семейными детьми и вашими, но уже получилось лучше. Но, опять же, получается, что эти данные НКО - они не нужны. Как они на этих данных заявки-то будут писать? Как они к донорам будут идти и говорить: ребят, вы знаете, вообще-то у нас там все хорошо, дайте нам денег, мы им еще поможем. Непонятно. То есть, получается, мы сделали такую медвежью услугу сектору, возможно. С другой стороны, мы ведь доказали, что НКО влияют, московские НКО влияют, пусть вкуче, но влияют. Но когда они писали заявки на стандарт доказательной практики, никто же нас к этому не отнес, хотя они все имели этот доклад. У всех он был, но они, хотя бы могли бы сослаться, что да, вот, мы тоже работаем в Москве и в Москве это доказано частично. Нет, нам нужно каждому НКО себя отделить, вычленив и доказать, что вот именно то, что мы с ними провели пять тренингов влияет больше, чем с ними другой провел пять онлайн уроков. Как? Как быть, как это все развести совершенно непонятно. И отсюда получается, что НКО, исходя из наших результатов, нужно дифференцировать свои программы. Что детям нужны разные программы, разные уровни помощи, а готовы ли к этому НКО? Мы же все равно, НКО, привыкли вот так вот, просьба – главной дорогой идти. И опять вы видите, что «больше-меньше», если бы было два столбика, у одних побольше, у других поменьше – нам бы

было, НКО, привычнее воспринимать. Когда мы рисуем распределение, когда мы пытаемся говорить корректно с точки зрения распределения, еще каких-то данных, очень сложно воспринимается это «больше-меньше» я сегодня даже не могу от этого уйти. Я понимаю, что это проще, это понятнее, но это не совсем правильно по отношению к тому инструменту, которым мы пользуемся, к тем данным, которые мы получаем. Это ограничения в использовании результатов.

Есть еще ограничения в использовании инструмента. С одной стороны, это некая трудоемкость – это большой инструмент, а с другой стороны – мы не выложили в открытом доступе ключи для обработки данных. Это я, правда, только при подготовке презентации теперь понимаю, что мы их не выложили, пользуйтесь ребята, а ключи не положили.

И возможности. Возможности мы тоже создали. Во-первых, все-таки есть сами анкеты, можно ориентироваться. Есть аналитический отчет, его можно найти на eLibrary и на разных сайтах партнеров, и мне кажется, очень важное, что мы сделали, хотя на это пока мало внимания обращают НКО, мы выложили в этом аналитическом отчете не только результаты, мы выложили числовые данные, то есть там есть таблицы в которых даны числовые данные по всем вот пунктам анкеты. То есть, по большому счету, можно взять и сравнить со своими данными, можно перепроверить нас в чем-то, сравнить, посмотреть, какое там есть распределение, и можно провести дополнительный анализ.

И последнее, нам бы хотелось, мы хотели поменять, чтобы вот эта цифра 10% детей, она бы ушла из публичного пространства. Нам кажется, нам это удалось. В старых публикациях там 2016 года, 2015, 2014 – это еще осталось. Причем эта цифра фигурировала везде: в научных статьях, на сайтах Астахова, в грантовых заявках, а после нашего исследования, когда мы достаточно много об этом рассказали, мы увидели, что некоторые фонды убрали наконец-то эту цифру из своих обоснований. Новых публикаций с этой цифрой практически нет, то, что касается НКО. С другой стороны, мы можем посмотреть некоторый интерес к нашей публикации, небольшой, конечно, там всего 29 просмотров, и загрузок маловато. Но, по крайней мере, у нас есть возможность отслеживать вообще. И цитирований пока, к сожалению, тоже нет, но зато у нас есть инструмент, который дает нам понимать как научное сообщество вообще к нему относится. Оно его хочет хотя бы смотрит, как-то его использовать за счет того, что мы его разместили в eLibrary. Вот, теперь, наверное, всё.

Модератор: Коллеги, вопросы какие-то есть?

Реплика из зала: Я прошу прощения, спасибо огромное за интересное выступление, я правильно поняла, что публикации надо искать только в статье в КиберЛенинке или где-то на сайте я не поняла?

Заводилкина Ольга: Нет, на сайте есть.

Реплика из зала: На сайте чего?

Заводилкина Ольга: Фонд «Расправь крылья».

Реплика из зала: Спасибо большое.

Заводилкина Ольга: И в eLibrary тоже есть. Просто научное сообщество не ходит иногда к фондам. А НКО не ходит в eLibrary. Но вот поэтому мы сделали два, разместили и там, и там.

Реплика из зала: Спасибо. А вы только вот это исследование проводили, сравнительные на других аудиториях еще не проводили? Это опыт одного исследования?

Заводилкина Ольга: В смысле, на других аудиториях?

Реплика из зала: Имеется в виду, есть некие условия, так скажем, временные и прочая...

Модератор: Это не лонгитюдное исследование.

Реплика из зала: А, не лонгитюдное.

Заводилкина Ольга: Ну, да, то есть мы нацелены на Москву, но у нас есть данные и по Белгородской области, по Калужской, по Смоленской...

Реплика из зала: Понятно, то есть можно между ними сравнить.

Заводилкина Ольга: У нас несть опыт проведения более ранних исследований, большой такой.

Реплика из зала: Спасибо большое, спасибо.

Заводилкина Ольга: Это было конкретно сейчас.

Модератор: Есть еще вопросы?

Реплика из зала: Коллеги, спасибо большое, Ольга, такой интересный и уникальный опыт, я только никак не могла понять, а вам-то оно зачем нужно было это исследование? Ну, хорошо, ради того, что из риторики убрать 10%? Да, наверное, это благородно, а с практической точки зрения вам это все нужно было для чего? Вы сами вот практически как использовали эти результаты, вы, как организация?

Заводилкина Ольга: Мы создали, получается, залог, давали деньги – мы это сделали, заодно провели в Белгороде, Калуге, в Смоленске, где мы работаем, теперь мы можем сравнить просто данные Москвы с данными в своих регионах присутствия, где мы работали, посмотреть, какие данные. С другой стороны, иметь какую-то точку основы, данные, которыми можно оперировать при дальнейшей оценке работы собственной в другом регионе – это тоже важно. Почему для нас были 10% важны, не могу не сказать, потому что эти 10% мы проводили, к сожалению, сами в 90-х годах, когда некорректно использовали предоставленную информацию Министерством внутренних дел России. Потому что эта цифра касалась только детей-сирот, которые вышли из мест заключения на свободу. Каким-то образом, эта странная цифра, которая была тогда так подана, ушла, и эти 10% пошли гулять по всей стране. Надо было исправлять ошибку. Хотя в ней мало нашей вины, но просто когда мы работали в Институте семьи и воспитания, поэтому надо было реабилитироваться. Правда теперь у нас есть другой риск – породить новый миф, поэтому мы очень сильно не говорим о том, что дети почти различаются, поэтому мы корректно сейчас пытаемся данные преподнести, а то вызовем шквал со стороны доноров, что они перестанут давать нам деньги. Вот, поэтому мы будем очень аккуратными.

Реплика из зала: Понятно.

Реплика из зала: А можно еще один вопрос, скажите, а правильно ли я понимаю, что не сильно различаются данные между регионами и Москвой?

Заводилкина Ольга: Ну, сейчас вот такого доказательного ответа у меня нет, потому что мы... есть там различия – да.

Реплика из зала: Есть? А с чем вы их связываете?

Заводилкина Ольга: В духе данного исследования мы связываем это с тем, что столько НКО, сколько в Москве с детьми-сиротами никто не работает. Нет такого вот влияния. Потому что московские НКО – это считается, как семья для ребенка, если он сегодня не с одним НКО, то он завтра с другим НКО. То есть он всегда вот в заботе и с ним много-много всего. А в областях других иногда вообще нет НКО, которые работают с сиротами, мало очень.

Реплика из зала: То есть, по сути, чем больше НКО, тем лучше. Вот это вы, по сути, доказали.

Заводилкина Ольга: Чем больше работа с ребенком, тем лучше. А кто ее проводит – это уже второй вопрос.

Модератор: Эльвира хотела что-то сказать.

Гарифулина Эльвира: Я просто на уточнение хотела. Я просто знаю, что еще есть питерская научная школа, которой выделало Министерство тогда еще образования правительственный грант, они как раз пытались на психофизиологическом уровне посмотреть разницу между детьми, которые в детских учреждениях какой-то срок были и в семью попали. Насколько я понимаю, у нас подобные вещи, условно говоря, складик нигде не лежит, куда мы можем пойти, посмотреть, насколько вот разного типа исследования примерно об одном и том же, насколько они там противоречат друг другу, чтобы можно было бы, допустим, еще что-то нейтральное попробовать или узнать, что и так далее. А у меня был на самом деле уточняющий вопрос, я правильно понимаю, что была целевая группа – дети – выпускники детских учреждений, в которых работали НКО, дети-выпускники детских учреждений в которых не работали НКО, и дети из кровных семей?

Заводилкина Ольга: Да, только не по учреждениям, а именно по детям. Найти детские учреждения, с которыми не работали НКО, невозможно. Каким-то образом сохранились дети, с которыми не работали НКО. Но на самом деле об оценке эффективности работы НКО надо все-таки понимать, что туда включаются определенные категории детей. Что когда НКО приходит в детский дом и начинает работать – это мы на себе просто прочувствовали, когда поехали по всем детским домам и просили выйти к нам на опрос, нам приводили тех детей, которые, опять же, получше, и НКО, в НКО вступают лучшие. И возможно, этот наш эффект, который мы получили и доказали, он связан не столько с работой НКО, а столько с тем, что изначально, на этапе отбора включение в программу разных категорий детей. То есть включаются и не включаются. Но, в рамках, как вы понимаете, проекта, гранта и всего остального, мы не могли просто на этом фиксировать внимание, но мы это выявили, но это очень сложно. И вообще это сложно для любой оценки эффективности программ НКО. Потому что это сложно сказать, оно эффективно или дети туда такие попали? То есть это вот вопрос. У нас нет возможности провести такое классическое исследование, что вот у нас есть группа, мы

ее там поделили, кого-то взяли, кого-то не взяли. Вот НКО такой возможности не имеет. И мы думали, что мы своим исследованием как раз это сделаем. Вот мы проведем, но мы тогда еще были наивные, думали, что у каждого ребенка есть равные возможности для того, чтобы попасть в НКО. На самом деле на этот выбор влияют специалисты детского дома, его собственное желание, то есть, тут очень много подводных камней, которые при всей научной школе, при всей этой доказательности базы вот этот вход в программу НКО – если мы не будем там что-то мерить, думать, понимать про это, то это все будет доказательство не того, чего мы хотим. Это просто будут дети такие приходиться в эти программы, которые изначально лучше, чем другие дети, как ни парадоксально.

Модератор: Такая немножко печальная нота, не хочется на ней заканчивать, может быть, есть какие-то комментарии-не комментарии из зала, в целом, по поводу взаимодействия социологов и практиков. Пожалуйста.

Реплика из зала: Коллеги, а можете подать микрофон?

Реплика из зала: Здравствуйте, я из Новосибирской компании, у нас есть положительный опыт работы с НКО, могу просто проиллюстрировать нашу работу.

Реплика из зала: Не «Солнечный город»?

Реплика из зала: Нет, не «Солнечный город». Это компания **Максура01,55,03**, она достаточно маленькая, практически не пиарится нигде, но так получилось, что на протяжении десяти лет мы поддерживаем с ней как партнеры такие отношения. Поскольку у компании у этой нет денег на развитие, на пиар, и эта компания попросила нас понаблюдать за изменением одного неблагополучного района. Они внедряли в школу, программу приобщения так сказать, район неблагополучный деревянные дома, земляной пол и так далее. Школа была на грани того, что дети-разбойники, постоянные конфликты, и они попросили нас понаблюдать за программой, которую они внедряли. Они ввели в школу тьютора, который попытался через культуру, через культурные какие-то проекты поработать с детьми. Сначала они сделали такой небольшой зал итальянской культуры, потом на фоне этого зала они попросили этого тьютора, поскольку она была носителем итальянского языка, попросили с детьми делать школу витража, культурное такое наследие Италии – они потихонечку внедрились. Закончилось это тем, я сейчас к этому подведу, к тому, что школа через восемь лет ввела итальянский язык как второй обязательный язык в школе. И, в общем-то, недавно буквально ребята нам прислали сообщение о том, что они золотую медаль УчСибя получили. То есть эта программа настолько развилась, дети ездили в посольство Италии, их поддержало посольство Италии, им в Москве дали программу, то есть вот это вот история, она, как бы работает, в прикладном смысле. И мы просто сопровождали, проводили постоянные глубинные интервью с тьютером, и вот таким образом, вот такая иллюстрация.

Модератор: Коллеги, большое спасибо, время у нас закончилось, я хотела бы поблагодарить, конечно же, прежде всего, всех присутствующих, что вы с нами были с начала и до конца. Огромное спасибо всем спикерам за прекрасные презентации, интересные доклады. Конечно же, большое спасибо нашим помощникам. Давайте им похлопаем. Большое спасибо. И еще меня попросили сделать небольшое объявление. Буду зачитывать, потому что официальный Телеграм-канал РИН – Российской исследовательской недели ведет текстовые трансляции мероприятия Груши. Тезисы докладчиков, самые интересные социологические данные, маркетинговые инсайты,

эксклюзивные слайды спикеров, подписывайтесь, очень просят организаторы подписываться на официальный Инстаграм-канал РИН. И еще объявляется конкурс, в этом году комитет РИН – Российской исследовательской недели решил провести два конкурса с ценными призами для всех подписчиков и посетителей Грушинской конференции, других мероприятий недели на своей странице ВКонтакте и в Инстаграме, любой подписчик может принять участие и выиграть профессиональную литературу и даже образовательный курс. Прекрасные новости от организаторов, большое им спасибо. До встречи.